

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

- H.Ritter. Philologika. I. Zur Überlieferung des Fihrist.-
Der Islam, Bd 17, 1928, с. 15-23.
7. A.J.Arberry. New material on the "Kitab al-fihrist" of Ibn al-Nadim.- Islamic Research Association miscellany. Vol.I (1948). Oxford, 1949, с.21.
  8. Bergsträsser. Die Quellen von Jaqut's Iršad.- Zeitschrift für Semitistik und verwandte Gebiete. Bd 2, 1924, с.185.
  9. The Irshad al-arib ila ma'rifat al-adib or Dictionary of learned men of Yaqut. Ed. by D.S.Margoliouth. Vol.6, с.197: 9-10.
  10. Там же, т. 5, с. 221:7-12.

А.Г.Сазыкин

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В "ПОВЕСТИ О НАРАНУ-ГЭРЭЛ". Часть I

В рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР хранятся пять рукописей "Повести о Нарану-Гэрэл". Эти рукописи имеют весьма разнообразные варианты заглавия: (С 4): *ᠰayan Dar-a eke-yin sudur oroᠰiba* - (Сутра о Цагаан Дара-эхэ); (С 305): *ᠰayan Dāre ekeyin tuuᠵi zarliq oroᠰibai* - (Сутра-наказ Цагаан Дара-эхэ); (F 38): *Naranigerel-yin tauᠵi nerütei: Qongᠰimbodisatu: ᠰayan Dar-a ekē: Noᠷoᠷyan Dar-a ekē ene yurban bodisatuba-narun teūki namtar ᠰedeg oroᠰibai* - (Повесть о Нарану-Гэрэл, заключающая в себе историю-жизнеописание трех бодхисатв: Хонгшим-бодхисатвы, Цагаан Дара-эхэ и Ногоон Дара-эхэ); (F 141): *Erte urida ᠰay-tu yabuysan Naran Gerel-ün tauᠵi namtara ene bilügē* - (Повесть-жизнеописание Наран-Гэрэл, жившей в давние времена); (F 244): *Unenüggülegči Narangerel raginis-un tauᠵi oroᠰiba* - (Повесть об Унэнугулэгчи и Наран-Гэрэл-рагини).¹

Однако несмотря на такое разнообразие заглавий, рукописи содержат всего две редакции сочинения. Существование двух монгольских редакций повести впервые было установлено Ц.Дамдинсурэном, посвятившим характеристике этого произведения специальный раздел в "Очерках монгольской литературы",² где он пишет, правда, о трех вариантах "Повести о Нарану-Гэрэл".

Текст первого варианта был опубликован Ц.Дамдинсурэном в антологии "Зуун билиг".³ Второй вариант представлен в рукописи

F 244. От первого он отличается только в языковом отношении, полностью совпадая по содержанию. Следовательно, это варианты одной и той же (первой) редакции повести.

Вторая редакция "Повести о Нарану-Гэрэл" (Ц.Дамдинсурэн называет ее третьим вариантом) содержится в рукописях С 4, F 38, F 141.⁴ К этой же, второй, редакции следует причислить и рукопись С 305, хотя в отличие от остальных указанных нами списков данной редакции, она содержит краткую версию, представляющую только описание путешествия Нарану-Гэрэл в ад. Но описание это целиком совпадает с аналогичной частью остальных рукописей второй редакции.

Ц.Дамдинсурэн достаточно подробно и убедительно показал текстальные расхождения этих редакций сочинения, уделив, однако, недостаточное, на наш взгляд, внимание характерным особенностям, свойственным описаниям путешествия героини в подземные области ада, очевидным в обеих редакциях. А наиболее существенные различия как раз и содержатся в этих описаниях, что отнюдь не случайно. Сопоставление эсхатологических концепций, изложенных в повести с эсхатологическими представлениями, распространенными в странах Центральной Азии и Дальнего Востока, позволят судить об источниках, питавших творческое воображение автора, а также и позднейшего интерпретатора (а точнее, интерпретаторов) повести.

Монголам было известно несколько сочинений, включавших в качестве сюжетного компонента описание "хождения в ад", заимствованных из иноязычных литератур Азии. В качестве примера можно назвать индийскую легенду о Маудгальяне и тибетскую "Повесть о Чойджиддагине".

В отличие от них "Повесть о Нарану-Гэрэл", по мнению Ц.Дамдинсурэна, "произведение непередаваемое и является одной из малочисленных историй, написанных, видимо, на монгольском языке".⁵ Подобной точки зрения придерживается и В.Хайссиг, полагающий к тому же эту повесть одной из предшественниц монгольского жанра "Бэнсэн улигэров".⁶

В настоящее время нет достаточно убедительных, бесспорных фактов для уяснения подлинной литературной истории "Повести о Нарану-Гэрэл". Но явное и весьма значительное китайское влияние вполне может служить основанием для сомнений: "перевод ли [это] с китайского или же оригинальное произведение монголов".⁷

О возможном переводе повести с китайского языка пишет, например, Г.И.Михайлов, который хотя и отмечает, что "предположение Ц.Дамдинсурэна о том, что [монгольский - А.С.] автор ее подражал тибетским или китайским повестям подобного рода, безусловно имеет достаточные основания",⁸ все же добавляет, что "более детальное их [т.е. заимствований и влияний - А.С.] изучение - дело будущего".⁹

Предпринятое в настоящей статье сопоставительное исследование эсхатологических мотивов каждой из редакций повести с традиционными описаниями ада в литературах Востока с целью выявления источников заимствований и влияний, а также определение задач, обусловивших трансформацию включенной в "Повесть о Нарану-Гэрэл" эсхатологической картины станут, возможно, еще одним шагом к будущему более детальному изучению повести в целом.

Действие "Повести о Нарану-Гэрэл" во всех (за исключением С 305) рукописях разворачивается в двух областях мира - на земле и в аду. В отношении описания земных, прижизненных деяний героини, все исследователи единодушны в признании несомненности влияния китайских литературных образцов. Так, например, Хайссиг считает историю о Нарану-Гэрэл синкретическим произведением, созданным из эпизодов различных китайских сочинений и театральных пьес.¹⁰

Менее определены и даже противоречивы мнения об источниках описаний ада, включенных в повесть. Ц. Дамдинсүрэн, коснувшись вопроса о китайском влиянии, в качестве доказательства приводит целый ряд китайских этнонимов и топонимов, встречающихся в повести. Однако при характеристике эсхатологических мотивов обеих редакций, автор, отмечая существенные различия их по характеру и объему, не ставил, по всей вероятности, перед собой задачи определить причины различий и источники заимствований.

Г. И. Михайлов, считая, что все светские сюжеты (т.е. описание земных деяний Нарану-Гэрэл) заимствованы у китайских авторов, полагает, что все связанное с "потусторонними силами, пришло из тибетских (возможно, и китайских) духовных повестей".¹¹

Более определенно на этот счет высказывается Хайссиг, который, отмечая несомненность китайского влияния на повествование о земной жизни героини повести, пишет, что и "описание путешествия в ад тоже очень близко китайским образцам".¹² В качестве примера заимствования из китайской литературы Хайссиг приводит эпизод со старушкой Мэн, угощавшей "чаем забвения" всех прибывающих в подземные пределы ада.

Этот персонаж, действительно, не известен сочинениям индийских и тибетских авторов, но упоминается, и неоднократно, в китайских историях о "хождениях в ад".¹³ Вероятнее всего, именно из китайских повестей этот персонаж и "перекочевал" в литературу монголов. Так, например, подобный эпизод, отсутствующий во всех известных нам тибетских версиях "Повести о Чойджид-дагине", встречается лишь в одной южномонгольской версии этого сочинения.¹⁴

На китайское влияние указывают также китайская надпись на воротах, ведущих в чертоги владыки ада Эрлиг-хана: "Алтан син лун чин" (Зуун билиг, с. 239 а) или "Син лун ван дян" (F 244) и красно-медные собаки у ворот ада, неизвестные литературе северных буддистов, но типичные для сочинений китайских авторов.¹⁵

Вполне убедительна и подмеченная Хайссигом аналогия помоста, с которого Нарану-Гэрэл увидела свой дом, со встречающейся в китайских повествованиях "башней, откуда можно видеть родину".¹⁶

К перечисленным Хайссигом китайским заимствованиям можно добавить, по крайней мере, еще два. Вероятнее всего из китайской литературы заимствовано особое отделение ада (по-видимому, это "промежуточная область"), где среди душ случайно погибших несвоевременной смертью страдают и души самоубийц. Такой грех не указан в ламаистских сочинениях. Упоминаний о распространенности подобного социального явления у тибетских и монгольских народов мы не встречали также в дневниках многочисленных путешественников, посещавших самые различные уголки Центральной Азии. Ничего не сообщается об этом и в специальной востоковедной литературе. В китайских же описаниях ада, наоборот, даже предусмотрена особая "фабрика голода и жажды", где томятся души людей, которые непреднамеренно или без достаточных на то причин покончили жизнь самоубийством,¹⁷ что по китайским представлениям является великим грехом, грубой формой выражения непочтения к родителям, даровавшим тело и жизнь.¹⁸ О практике самоубийств, как одной из форм протеста, сообщается и в литературе, посвященной исследованию китайских обычаев и традиций.¹⁸

В первой редакции "Повести о Нарану-Гэрэл" в пределах ада помещена также река, в которой текла кровь. Этот элемент тоже наиболее соответствует эсхатологическим воззрениям китайских буддистов,¹⁹ ибо в индийской и тибето-монгольской литературах подземные реки могут быть наполнены "горькой водой",²⁰ "ледяной водой",²¹ "бурно кипящей водой",²² "горячим песком",²³ но никогда не упоминаются реки, заполненные кровью.

В целом же, можно отметить, что помещенное в первой редакции "Повести о Нарану-Гэрэл" описание ада "очень кратко и не вызывает ужаса",²⁴ чем весьма существенно отличается от аналогичных описаний буддийских космологических, догматических и дидактических сочинений. Это описание воспринимается скорее как дань традиции ки-

---

* Об этой причине отрицательного отношения китайцев к самоубийству нам сообщил Е.И.Кычанов.

тайской повествовательной литературы, как один из занимательных сюжетов в цепи прочих приключений героини повести. Совершенно иная картина ада предстает во второй редакции повести, но это уже будет рассмотрено во второй части нашей статьи.

- I. О других экземплярах рукописей "Повести о Нарану-Гэрэл" см.:
W.Heissig, C.Bawden. Catalogue of Mongol Books, Manuscripts and Xylographs. Copenhagen, 1971, с. 90-92; L.Bese. The Mongolian Collection in Berkeley, California.- "Acta Orientalia Hungaricae". Budapest, 1977, Т. XXXI. Fasc. I. с. 39.
Х.Лувсанбалдан. Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975, с. 216, № 0068. В монгольской части рукописного фонда Института языка и литературы АН МНР нам довелось видеть еще две рукописи повести, хранящиеся там под шифрами: М 354 (648)/п-1; М 354 (649)/п-2. Обе рукописи не имеют заглавия, поскольку начальные листы, на которых оно обычно помещается, утрачены.
2. Монголын уран зохиолын тойм. Т.2. Улаанбаатар, 1977, с. 61-70.
3. Še. Damdinsürüng. Mongyol uran jokiyal-un degeji Jayun bilig orošiba. - "Corpus Scriptorum Mongolorum". Т. XIV. Ulaanbaatur, 1959, с. 227-247.
4. Еще одна рукопись второй редакции, озаглавленная "Повесть о Цагаан Дара-эхэ", находится в библиотеке Восточного факультета ЛГУ под шифром: Mong. В 20.
5. Тойм, с. 62.
6. W.Heissig. Geschichte der Mongolischen Literatur. В. I. Wiesbaden, 1972, с. 110.
7. Список материалам Ц.Жамцаранова и Б.Барадийна. 1903-1904. - "Известия Императорской Академии наук", 1905. Т. XXII. № 3, с. 057.
8. Г.И.Михайлов. Литературное наследство монголов. М., 1969, с. 97.
9. Там же, с. 97.
10. Heissig, Geschichte, с. 110.
11. Михайлов, с. 97.
12. Heissig, Geschichte, с. 116.
13. J.J.L.Duyvendak. A Chinese "Divina Commedia". - "T'oung Pao". Vol. 41. Leiden, 1952, с. 267-268; G.W.Clarke. The Yü-li or Precious Records. - "Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society". Vol. XXVIII (1893-94), с. 157-158, 166-168.
14. Рукописный отдел ЛО ИВ АН СССР, шифр: С 24.
15. Duyvendak, с. 272.
16. Heissig, Geschichte, с. 116.

17. W.Eberhard. Guilt and Sin in Traditional China. Berkeley and Los Angeles, 1967, с. 32.
18. В.Я.Сидихменов. Китай: страницы прошлого. М., 1978, с. 275-276.
19. Duyvendak, с. 272.
20. Encyclopaedia of Religion and Ethics. Т. XI. New York, 1920, с. 830.
21. L.A.Waddell. Tibetan Buddhism. New York, 1972, с. 96.
22. Г.Ц.Цыбиков. Лам-рим чэн-по. Т. I. Вып. 2. Владивосток, 1913, с. 123.
23. О.М.Ковалевский. Буддийская космология. Казань, 1837, с. 139.
24. Тойм, с. 69.

Селиванова Т.П.

КАШМИРСКАЯ АРМИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА (по материалам "Раджатарангини" Калханы - XII в.)

Армия является важнейшим элементом государственного аппарата, с помощью которого решаются серьезные внешнеполитические и внутренние проблемы страны. Структура кашмирской армии определялась ее назначением и феодальным характером кашмирского общества; основными частями армии были, судя по поэме-хронике "Раджатарангини":¹ 1/ постоянная царская дружина; 2/ провинциальные войска, дислоцировавшиеся в крепостях и других стратегически важных пунктах, например, в горных проходах, и при военной надобности пополнявшиеся; 3/ феодальные дружины; 4/ ополченцы, которых набирали в крайних обстоятельствах.

Географические условия страны определили существование пехоты как главной воинской силы. К концу IX в. среди пехотинцев выделяются две важные военно-феодальных группировки: тантрины и эканги, по-видимому, отборные части пехоты и телохранители царя, соперничая между собой, они на несколько десятилетий становятся ведущей политической силой в стране.²

Горный рельеф служил прекрасной естественной защитой Кашмира. Очень выигрышным было то, что путями доступа в страну служили узкие горные проходы, которые легко перекрывались при наличии военной угрозы. Недаром завоеватели обходили Кашмир стороной. Однако внутри страны существовало множество укреплений, зачастую укрепленных деревень, которые были необходимы при постоянных междоусоб-